

Памятникъ Т. Г. Шевченку.

Исторія памятника Шевченку продолжается вотъ уже 50 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ много поучительнѣйшихъ страницъ. Это не только исторія растущаго преклоненія передъ памятью великаго славянскаго поэта, но и исторія издѣвательства надъ этой памятью темныхъ силъ россійской реакціи, не только исторія монумента великому пѣвцу Украины, но и лѣтопись поруганій того дѣла, которому онъ отдалъ безъ остатка и свой колоссальный поэтический талантъ, и свою безталанную, горемычную жизнь.

Въ журналѣ „Основа“ (кн. VI, 1861 г.) авторъ статьи „Значеніе Шевченка для Украины“ рассказываетъ, какъ въ день смерти великаго украинскаго поэта всѣ бывшіе вечеромъ на панихидѣ собрались у одного изъ друзей покойнаго и приняли рядъ постановленій къ увѣковѣченію его памяти. Въ числѣ этихъ постановленій было и рѣшеніе поставить ему памятникъ.

Съ той поры украинство прошло тяжкій и многострадальный путь. Все было направлено къ тому, чтобы истребить особенности украинской національности, задавить всѣ проявленія украинской жизни. Въ это печальное время всякія начинанія для осуществленія мысли друзей Шевченка о созданіи ему памятника заранѣе обречены были на неудачу. Такъ, не разрѣшено было въ 1891 году покойному „Союзу русскихъ писателей“ объявить всероссійскую подписку на памятникъ Бѣлинскому и Шевченку.

Но мысль о созданіи памятника родному генію продолжала оставаться завѣтной мечтою украинскаго общества. И черезъ нѣсколько лѣтъ она проявилась въ новой формѣ.

Въ 1904 году золотоношское земство, еще съ 1882 г. принявшее на себя заботы по содержанію и упорядоченію могилы Шевченка, взяло на себя инициативу добыть разрѣшеніе на постановку памятника великому Кобзарю. По предложенію нѣкоторыхъ видныхъ представителей украинскаго

общества, входившихъ въ составъ этого земства, оно постановило, въ виду истеченія въ 1914 г. столѣтїя со дня рожденія Шевченка, испросить разрѣшеніе подписки на памятникъ ему. Мѣстомъ для памятника намѣченъ былъ Кіевъ. Для осуществленія постановленія избрана комиссія изъ трехъ лицъ (В. П. Науменко, И. В. Лучицкій и В. С. Лукашевичъ) и рѣшено обратиться къ другимъ земствамъ за поддержкой. Въ декабрѣ къ постановленію золотоношскаго земства присоединилось и полтавское губернское земство.

Въ началѣ 1905 г. золотоношское земство получило разрѣшеніе на сборъ пожертвованій. Но разрѣшеніе это было ограничено только предѣлами Полтавской губерніи. Конечно, и это было большимъ и—надо сознаться—неожиданнымъ шагомъ впередъ для того времени, когда тяжкая рука административнаго попеченія лежала на всемъ русскомъ обществѣ и съ особой тяжестью давала себя чувствовать украинству. Но ограниченіе сборовъ предѣлами одной губерніи ставило дѣло въ крайне неблагопріятныя условія.

Золотоношское земство сдѣлало вторичную попытку получить разрѣшеніе на сборы по всей Россіи; а когда это не удалось, за дѣло принялось полтавское губернское земство.

Къ счастью, это произошло какъ-разъ тогда, когда пали оковы, сковывавшія русскую жизнь до 17-го октября 1905 г., а съ ними рушились и преграды, образовавшія живой потокъ украинскаго движенія въ какое-то стоячее болото безъ жизни, безъ просвѣта впереди.

Въ апрѣлѣ 1906 г. полтавское земство получило отвѣтъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ „призналъ возможнымъ разрѣшить полтавскому губернскому земству открыть повсемѣстно въ предѣлахъ имперіи подписку на сооруженіе въ Кіевѣ памятника малорусскому поэту Т. Г. Шевченко“.

Для украинскаго общества это было огромнымъ событіемъ, своего рода національнымъ торжествомъ. Надежда, которую оно столько лѣтъ могло только втайнѣ лелѣять, наконецъ осуществилась!..

Между тѣмъ, еще до полученія этого разрѣшенія, въ маѣ 1905 г., въ кіевскую городскую думу было подано за подписью 32 гласныхъ заявленіе о присоединеніи къ ходатайствамъ золотоношскаго и полтавскаго земства. Это было шагомъ на случай, если и полтавскому земству будетъ

отказано въ разрѣшеніи всероссійской подписки: тогда съ такимъ же ходатайствомъ выступила бы кievская дума.

Кievскіе „отцы города“ были, повидимому, дѣйствительно заинтересованы вопросомъ, хотя большинство изъ нихъ совершенно не видѣло идейной стороны, а смотрѣло съ болѣе доступной обывательскому кругозору точки зрѣнія „украшенія города“. Какъ бы то ни было, но дума приняла предложеніе, а затѣмъ избрала комитетъ по сооруженію памятника, поручивъ ему снестись съ золотоношскимъ и полтавскимъ земствами о совмѣстной дѣятельности.

Увы!—комитетъ этотъ, предсѣдателемъ котораго былъ городской голова г. Дьяковъ, оказался далеко не на высотѣ своего назначенія. Каковъ былъ его составъ, можно судить по статьѣ украинской газеты „Рада“ (№ 72, 1906 г.), гдѣ отмѣчается, что дума выбрала, за исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе или менѣе прогрессивныхъ лицъ, такихъ „враговъ всего чистаго, прогрессивнаго, свѣтлаго, истинно-демократическаго“, какъ проф. Черновъ и гг. Солуха, Стороженко, Бражниковъ и др. Изъ этихъ лицъ, на примѣръ, Черновъ и Солуха, по сообщенію газеты, за два дня до избранія собирали деньги на открытіе въ Кievѣ книжнаго кіоска для распространенія такъ-называемой истинно-русской литературы.

Украинская пресса съ самаго начала предвидѣла, что дѣло не пойдетъ гладко. Еще въ 1906 г. „Рада“ предостерегала, чтобы съ памятникомъ Шевченку не случилось такого же конфуза, какой получился въ Полтавѣ съ памятникомъ отца новой украинской литературы Котляревскаго. Цѣлыхъ пять лѣтъ не могли найти для него подходящаго мѣста, и изъ-за этого опоздали съ постановкой памятника, который былъ открытъ пять лѣтъ спустя послѣ юбилейнаго года.

Предостереженія украинской прессы оказались вполне основательными.

Дѣло съ первыхъ же шаговъ было поставлено нерационально. Началось оно почти одновременно въ трехъ различныхъ учрежденіяхъ, въ результатъ чего находилось въ хаотическомъ состояніи. Широкихъ планомѣрныхъ дѣйствій по сбору пожертвованій не предпринималось, и если пожертвованія притекали, то это происходило само собой. Ни одно изъ учреждений не знало, что дѣлаютъ и дѣлаютъ ли что-либо другія.

Только въ 1908 г., когда они рѣшили объединиться въ центральномъ, такъ-называемомъ объединенномъ, комитетѣ при кievской думѣ, дѣло сошло съ мертвой точки.

Кромѣ представителей кievской думы и земства, принявшихъ участіе въ пожертвованіяхъ, въ комитетъ были допущены какъ отдѣльныя лица, такъ и представители учреждений и обществъ, внесшихъ опредѣленную сумму (тысячу руб.) на памятникъ. Это дало возможность войти въ комитетъ людямъ, для которыхъ памятникъ является не простымъ „украшеніемъ города“, а дѣломъ огромнаго идейнаго значенія. Такимъ образомъ, желаніе украинскаго общества, чтобы дѣло перешло въ руки самихъ украинцевъ, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ осуществилось.

Дѣятельность кievскаго комитета пошла оживленнѣе. Побуждаемый примѣромъ полтавскаго земства, которое начало распространять въ народѣ біографію Шевченка, выпущенную украинскимъ издательствомъ „Часъ“, и разсылать квитанціонныя книжки для сбора пожертвованій, кievскій комитетъ также началъ принимать мѣры въ этомъ направленіи. Напечатаны были въ газетахъ сообщенія о сборѣ, начата разсылка талонныхъ и квитанціонныхъ книжекъ, а потомъ и подписныхъ листовъ.

Украинское общество не осталось глухо къ призыву. Цѣлый рядъ лицъ занялся сборомъ пожертвованій. Начали устраиваться вечера, концерты, спектакли, сборъ съ которыхъ поступалъ на памятникъ. Выпускались изданія, весь чистый доходъ отъ которыхъ обращался на ту же цѣль.

Возникшія въ различныхъ городахъ украинскія культурно-просвѣтительныя общества также приняли участіе въ сборѣ. Первая открыла у себя пріемъ пожертвованій кievская „Просвіта“. Это дало ей возможность ввести къ комитетъ своего представителя А. Г. Вязлова. Затѣмъ начали входить въ его составъ представители отъ другихъ украинскихъ учреждений: отъ „Благотворительнаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“ (подъ этимъ названіемъ въ Петербургѣ существуетъ уже много лѣтъ общество, издающее украинскія популярно-научныя брошюры) вошелъ А. А. Русовъ, отъ петербургскаго клуба „Громада“—С. Ф. Русова, отъ петербургскаго общества имени Шевченка для помощи учащимся родомъ изъ Украины—Н. Ф. Бѣляшевскій и др.

Отозвалась и Галиція. Проф. М. Грушевскій въ „Літера-

турно-Науковом Вістникѣ“ (кн. V, 1908 г.) приглашалъ галицкихъ украинцевъ присоединиться къ украинцамъ Россіи въ этомъ общенациональномъ дѣлѣ и говорилъ, что русскіе украинцы съ лихвой возвратятъ имъ эти деньги, когда придетъ чередъ ставить памятникъ Шевченку во Львовѣ. Тогда же во Львовѣ собрались представители всѣхъ львовскихъ украинскихъ учреждений и постановили привлечь галицкое общество къ пожертвованіямъ. Во главѣ этой дѣятельности стало „Наукове товариство імени Шевченка у Львові“, которое рѣшило передать на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ всю сумму, свыше 3 тыс. кронъ, собранную на памятникъ во Львовѣ.

Такимъ образомъ, начинаніе становилось общеукраинскимъ национальнымъ дѣломъ, вокругъ котораго объединялись не только украинцы Россіи, но и украинцы Галиціи. Даже украинцы, заброшенные судьбой въ Сѣверную Америку, не остались чужды дѣлу: выходящая въ Канадѣ газета „Український Голос“ объявила подписку на памятникъ.

Но что еще знаменательнѣе,—призывъ встрѣтилъ сочувствіе не только въ украинскомъ интеллигентномъ обществѣ, но и въ широкихъ слояхъ украинскаго народа. Такъ, по сообщенію „Полтавскаго Голоса“, крестьяне во многихъ мѣстахъ Полтавской губ. рѣшили устраивать собственными силами концерты и спектакли для сбора денегъ на памятникъ Шевченку. Въ Харьковскомъ уѣздѣ, по словамъ „Рады“, во многихъ школахъ учителя рассказали учащимся о томъ, кто такой былъ Шевченко, и ученики сами выразили желаніе пожертвовать кто 3, кто 5, кто 10 коп. Одинъ изъ директоровъ сахарныхъ заводовъ Кіевской губ. писалъ въ объединенный комитетъ, что къ предложенію пожертвовать на памятникъ „отнеслись сочувственно не только служащіе и мастеровые, но и простые чернорабочіе, и всѣ безъ исключенія несли, сколько кто могъ, свои пожертвованія съ сознаніемъ, что дѣлаютъ доброе и просвѣтительное дѣло“.

Дѣйствительно, много народныхъ грошей вошло въ тѣсто съ лишнимъ тысячъ, которыя собраны теперь на памятникъ Шевченку. Изъ списковъ пожертвованій, которые начали регулярно печататься въ „Радѣ“, можно видѣть, какъ много мелкихъ, часто въ буквальномъ смыслѣ копеечныхъ, пожертвованій поступало на великое национальное дѣло. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ ростѣ національнаго самосознанія, который, вопреки всѣмъ неблагоприят-

нымъ условіямъ, совершается не только въ интеллигентныхъ слояхъ, но и въ широкихъ крестьянскихъ массахъ украинскаго народа.

Начали поступать пожертвованія и отъ земства и городовъ, притомъ не только Украины, но и всей Россіи.

Не всѣ, однако, отнеслись къ дѣлу сочувственно. Ново-зыбковское земство еще въ 1906 г. принципиально отказало въ пожертвованіи. Въ 1908 г. отказались отъ участія въ сборахъ „куцыя“ подольское и волынское „земства“. Предсѣдатель же кіевскаго чиновничьяго „земства“ Суковкинъ на предложеніе предсѣдателя полтавскаго земства г. Лизогуба поднять вопросъ о пожертвованіи отвѣтилъ, по словамъ „Кіевлянина“, что такъ, какъ „выяснилось (?), что всероссійская подписка не разрѣшена, то и принимать участіе въ такой подпискѣ официально губернской земской комитетъ не можетъ“. А въ январѣ 1909 г., когда вопросъ объ ассигновкѣ на памятникъ обсуждался въ курскомъ земствѣ, г. Марковъ торжественно заявилъ, что это противрѣчитъ „его патріотическимъ чувствамъ“, а гр. Дорреръ потребовалъ пересмотра проекта. Въ концѣ-концовъ собраніе ассигновало 100 р., при условіи, если будетъ удостовѣрено, что съ памятникомъ не соединено никакихъ „сепаратныхъ тенденцій“.

Нашлись и отдѣльныя лица, отнесшіяся несочувственно къ дѣлу и возвращавшія посланные имъ подписные листы и книжки въ комитетъ. Особенно почему-то сочли себя обиженными чиновники судебного вѣдомства (мировые судьи, судебные слѣдователи), возвращавшіе подписные листы съ заявленіями, что имъ неудобно производить сборы „по ихъ служебному положенію“, а то и просто потому, что это „не входитъ въ ихъ обязанности“. Несравненно сочувственнѣе отнеслось къ дѣлу сельское духовенство. Отъ многихъ священниковъ получались сочувственныя письма и просьбы выслать біографіи Шевченка для распространенія въ народѣ. Впрочемъ, и здѣсь нашлись отдѣльныя лица, которыя заявляли, какъ, напримѣръ, одинъ изъ священниковъ Кіевской губ., что-де хотя они и „природные малороссы“, но „не мазепинцы“, а потому отказываются жертвовать „на памятникъ мазепамъ и мазепинцамъ“.

Но особенныя затрудненія встрѣтила подписка на памятникъ въ казенныхъ учрежденіяхъ. Такъ, канцелярія кіевскаго губернатора возвратила подписной листъ съ надписью: „По-

жертвованій по этому листу не поступило“. Съ такой же надписью возвращень былъ кievскимъ губернаторомъ, въ качествѣ предсѣдателя по дѣламъ мелкаго кредита, листъ, посланный въ это учрежденіе. Администрація кievской губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства, по сообщенію „Рады“, вовсе не передала листа служащимъ, какъ это было сдѣлано передъ тѣмъ съ подписнымъ листомъ на памятникъ Гоголю. Начальникъ кievскаго почтово-телеграфнаго округа заявилъ, что не можетъ безъ разрѣшенія начальства дозволить сборъ чиновникамъ, и комитету только послѣ повторныхъ ходатайствъ удалось получить отъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ такое разрѣшеніе. Окончательно „забронированнымъ“ оказалось вѣдомство народнаго просвѣщенія. Больше либерализма проявило даже военное вѣдомство. Правда, оно не разрѣшило производить вычеты на памятникъ изъ жалованья офицеровъ, но не поставило препятствій „желающимъ принять участіе по своей инициативѣ“.

Провинціальная администрація съ своей стороны проявила немало мелочныхъ придирокъ. Особенно смущала ее украинскій языкъ, за которымъ она никакъ не можетъ признать даже минимальныхъ правъ гражданства. Такъ, на сельскохозяйственной выставкѣ въ Хоролѣ пришлось по требованію полиціи замѣнить украинскій плакатъ о пожертвованіяхъ на памятникъ русскимъ. Одно изъ ссудосберегательныхъ товариществъ Подоліи (яланецкое) рѣшило выдавать своимъ кліентамъ счетики съ надписью: „Жертвуйте на памятникъ Шевченкові“, но приставъ не разрѣшилъ типографіи напечатать такіе счетики.

Особенное же опасеніе вызвала изданная въ видѣ листка издательствомъ „Час“ біографія Шевченка. Хотя біографія эта была просмотрѣна полтавскимъ земствомъ, заказавшимъ ее „Часу“ для распространенія въ народѣ въ количествѣ 30.000 экземпляровъ, а затѣмъ пропущена общей цензурой,—въ „Кіевлянинѣ“ (№ 102, за 1909 г.) была напечатана доносительная замѣтка г. А. Савенка объ этой біографіи. Замѣтка, видимо, произвела впечатлѣніе на администрацію. Попечитель кievскаго учебнаго округа распорядился „принять всѣ мѣры, чтобы означенное изданіе не было распространено среди учащихся“, а если это совершилось, то „чтобы оно было отобрано“. Этотъ циркуляръ вызвалъ тревогу въ полтавской губернской администраціи,

которая запросила полтавское земство объ „издательствѣ „Время“,—переведа даже названіе украинскаго издательства на русскій языкъ. Въ концѣ-концовъ „Час“ принужденъ былъ прибѣгнуть къ единственному въ своемъ родѣ средству: взять отъ кievской цензуры удостовѣреніе, что листокъ этотъ „аресту не подвергался въ виду отсутствія въ содержаніи его признаковъ преступленія, караемыхъ уголовнымъ закономъ“.

Но этимъ мытарства листка не окончились.

Въ засѣданіи объединеннаго комитета 7-го сентября 1909 года былъ поднятъ вопросъ о томъ, что комитетъ долженъ искать сочувствія дѣлу у народа, для чего народъ необходимо познакомить съ личностью Шевченка путемъ распространения біографіи „Часа“. Одинъ изъ членовъ комитета, Ъ. М. Дараганъ, началъ доказывать, что біографія эта составлена „въ тенденціозномъ духѣ“ и „возбуждаетъ одну часть населенія противъ другой—мужиковъ противъ пановъ“. Въ доказательство г. Дараганъ ссылался на такія мѣста (приводимъ ихъ въ дословномъ переводѣ): „То было еще при крѣпостномъ правѣ, когда люди только въ воскресенье или праздникъ работали на себя, а всѣ будни—на пана“.—„Этимъ языкомъ паны пренебрегали: они говорили, что украинскій языкъ—мужичій языкъ, что ни для чего онъ непригоденъ, хотя на немъ говорили и говорятъ десятки милліоновъ нашего народа“.—„Разрывалось его (Шевченка) сердце, охваченное невыразимой скорбью, что родныя дѣти Украины отрекаются отъ родного языка, своего народа, оставляютъ его на произволь судьбы, а сами переходятъ къ чужимъ“.

Даже приведенный въ біографіи всѣмъ извѣстный отрывокъ изъ стихотворенія Шевченка: „Учитесь, брати моі, думайте, читайте, і чужому научайтесь и своего не цурайтесь“ г. Дараганъ находилъ преступнымъ.

Когда же комитетъ не согласился съ мнѣніемъ г. Дарагана, онъ демонстративно вышелъ изъ комитета, „не считая возможнымъ принять на себя отвѣтственность за распространеніе“ столь ужасной брошюры.

Все это было знаменательно. Надъ украинствомъ уже собирались темныя тучи, и „Кіевлянинъ“, а вслѣдъ за нимъ „Новое Время“, „Московскія Вѣдомости“ и прочая черная рать начинали травлю „мазепинства“.

И чѣмъ болѣе широкое общественное и національное значеніе получалъ вопросъ о памятникѣ, чѣмъ болѣе близился онъ къ осуществленію, тѣмъ яростнѣе дѣлались нападки со стороны „истинно-русской“ клики. Да и въ самомъ комитетѣ руководителемъ дѣла оставалось лицо, не имѣющее ничего общаго съ его идеей и ведшее свою „тонкую политику“, проявлявшуюся, напримѣръ, даже въ томъ, что украинскіе плакаты о пожертвованіяхъ признавалось нужнымъ выписывать изъ Полтавы, такъ какъ „въ Полтавѣ это можно дѣлать, а у насъ нельзя“ („Рада“, № 184, 1909 г.).

Но, къ счастью, въ комитетѣ былъ уже цѣлый рядъ представителей украинскаго общества, которымъ украинскій народъ въ значительной степени и обязанъ тѣмъ, что дѣло все-же подвигалось впередъ. Рядъ украинскихъ учрежденій Россіи и Галиціи собралъ суммы, необходимыя для того, чтобы имѣть своихъ представителей. И въ комитетѣ рядомъ съ представителями кievской думы и земствъ засѣдали: проф. М. С. Грушевскій, прив.-доц. А. С. Грушевскій, Б. Д. Гринченко, А. Г. Вязловъ, Е. Х. Чикаленко, А. А. Русовъ, С. Ф. Русова, Л. Н. Жебуневъ, Н. В. Лисенко, Г. Ф. Шерстюкъ и др.

Участіе представителей украинства вносило идейное содержаніе въ дѣло и не давало ему останавливаться на точкѣ замерзанія. Это было тѣмъ болѣе важно, что въ комитетѣ, какъ отмѣчала „Рада“ (№ 186, 1909 г.), замѣчалась открытая тенденція отодвигать дѣло съ памятникомъ, а можетъ быть, и совсѣмъ похоронить его потихоньку.

Въ самомъ дѣлѣ, за два года своего существованія комитетъ только въ сентябрѣ 1909 г. назначилъ, наконецъ, конкурсъ на проектъ памятника. Къ этому времени уже выяснилось, что ко дню закладки памятника, которую предполагалось совершить въ 50-лѣтнюю годовщину смерти Шевченка, 26-го февраля 1911 г., можно рассчитывать на увеличеніе фонда на памятникъ до 100 тыс. руб. Въ виду этого стоимость памятника опредѣлена была въ 80 тыс. руб.

Началась организація конкурса. Въ предсѣдатели жюри были приглашены И. И. Рѣпинъ и скульпторъ Беклемишевъ, а затѣмъ, въ виду ихъ отказа, академикъ Л. В. Позень, по проекту котораго поставленъ памятникъ Котляревскому въ Полтавѣ. Условія конкурса объявлены были въ рядѣ общихъ повременныхъ изданій и въ нѣкоторыхъ спе-

ціальныхъ художественно-архитектурныхъ изданіяхъ Рос- сїи, Австріи, Германіи, Франціи и Англіи. Но первый кон- курсъ оказался неудачнымъ. Всѣ 64 присланныхъ проекта жюри въ засѣданіи 15-го мая 1910 г. единогласно признало недостойными премированія, и комитетъ назначилъ новый конкурсъ на 1-е февраля 1911 г. На вторичный конкурсъ по- ступило 47 проектовъ. Жюри подь предсѣдательствомъ А. Г. Слостіона не признало возможнымъ выдать ни за одинъ изъ нихъ первой преміи, но нашло достойнымъ вто- рой преміи проектъ скульптора Ф. П. Балавенскаго, а третью премію выдало молодому скульптору М. Гаврилко. При этомъ жюри признало, что проектъ Балавенскаго съ нѣко- торыми передѣлками можетъ быть принятъ для постановки.

Для лицъ, осматривавшихъ проекты, такое рѣшеніе жу- ри было недостаточно убѣдительнымъ. Проектъ Балавен- скаго ничѣмъ не выдѣлялся ни въ художественномъ смыслѣ, ни въ идейномъ. Въ послѣднемъ отношеніи проектъ Гав- рилко долженъ быть поставленъ несомнѣнно выше.

Конечно, не о такомъ памятникѣ для своего національ- наго генія мечтало украинское общество.

И уже вслѣдъ за рѣшеніемъ жюри въ украинскомъ об- ществѣ начинается движеніе противъ проекта Балавенскаго. Собирается подписка для представленія протеста въ коми- тетъ. Мѣстная пресса, какъ украинская, такъ и русская, помѣщаетъ критическія статьи, направленные противъ проекта.

Подь давлѣніемъ общественнаго мнѣнія комитетъ, со- гласившійся было съ жюри, измѣнилъ свое рѣшеніе и назначилъ новый конкурсъ на 20-е декабря 1912 г.

Итакъ, ко дню 50-лѣтія со дня смерти своего великаго поэта украинское общество не получило даже проекта па- мятника, достойнаго его имени!

Не состоялось и торжество закладки памятника, которое предполагалось приурочить къ этой годовщинѣ. Подь влія- ніемъ инсинуаций черной прессы, особенно „Кіевлянина“, въ которомъ г. А. Савенко постарался представить дѣло какъ торжество „мазепинства“, кіевская дума отказалась принять участіе въ чествованіи памяти Шевченка. Да и самому чествованію оказалось невозможнымъ придать тотъ импозантный характеръ, который предполагался ранѣе...

Но и этого мало. Украинское общество не имѣетъ даже мѣста для памятника. ■

Вопросъ о мѣстѣ возбуждался неоднократно. Еще въ 1908 г. вопросъ этотъ поднимался и въ украинской, и въ кievской русской прессѣ. Справедливо указывалось, что это вопросъ огромной важности, и намѣчались разные пункты (по Бибииковскому бульвару, противъ Владимiрскаго собора, на пересѣченіи Владимiрской улицы и Бибииковскаго бульвара, около университета, въ паркѣ у Золотыхъ воротъ). Дума, однако, отвела мѣсто на Михайловской площади, въ сквѣрѣ у реального училища. Комитетъ принялъ это мѣсто, хотя противъ него можно было бы много возразить. Были произведены даже изслѣдованія почвы. Но когда началась усиленная травля украинства въ реакціонной прессѣ, когда на всѣ проявленія украинской національной жизни посыпались бичи и скорпионы и когда къ тому же „Кievлянинъ“ выступилъ съ горячей защитой „историческаго пути“,—затѣя, къ которой даже „Новое Время“ отнеслось отрицательно,—то оказалось, что мѣсто это понадобилось городу для памятника св. Ольгѣ. Городской голова г. Дьяковъ высказалъ въ своемъ родѣ историческую по своей галантности мысль, что „кавалеръ долженъ уступить мѣсто дамѣ“, и дума рѣшила поставить на Михайловской площади памятникъ кн. Ольгѣ, а для памятника Шевченку отвела мѣсто близъ редакціи „Кievлянина“, на Караваевской площади, въ грязной, удаленной отъ центра и окруженной магазинами второго сорта части города.

При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ 18-го апрѣля 1911 года г. Дьяковъ находилъ мѣсто очень подходящимъ, представляя въ то же время возраженія противъ другихъ мѣстъ, которыя предлагались на собраніи. На Михайловской площади мѣшалъ „Историческій путь“, на Владимiрской улицѣ—университетъ и гимназія. Въ саду у Золотыхъ воротъ неудобно, потому что Золотыя ворота сами по себѣ являются историческимъ памятникомъ. У площади Богдана Хмельницкаго (Бессарабка) нельзя потому, что существуетъ мысль совершить перенесеніе туда съ Софійской площади памятника Хмельницкому. Словомъ, выходило такъ, что для Шевченка остается одно только мѣсто: на Караваевской площади, подъ надзоромъ у „Кievлянина“!..

И хорошо еще, что комитетъ постановилъ считать этотъ вопросъ нерѣшеннымъ окончательно.

Изъ того, какъ охладѣвали представители кievской думы къ памятнику Шевченку, по мѣрѣ того, какъ дѣло приобрѣтало все болѣе серьезное идейное значеніе, легко видѣть, что охлажденіе это шло параллельно съ усиленіемъ въ Россіи „національнаго курса“. Люди, для которыхъ этотъ курсъ непосредственно выгоденъ, и люди, держащіе носъ по вѣтру, всячески старались тормозить дѣло, точно желая засвидѣтельствовать, что они ни въ чемъ неповинны, что ихъ хата съ краю и что они даже, пожалуй, готовы свести все дѣло къ нулю.

А рядомъ съ этими, такъ сказать, внутренними нестройніями возрастали и придирки извнѣ.

Особенно занималъ вниманіе администраціи вопросъ о томъ, когда получено разрѣшеніе на сборъ пожертвованій. Кіевскій губернаторъ запрашивалъ объ этомъ кievскую думу еще въ 1907 г., послѣ напечатанія въ газетахъ сообщенія о приѣмѣ пожертвованій. Въ 1909 г. одесскій градоначальникъ требовалъ отъ „Одесскихъ Новостей“ указанія № „Правительственнаго Вѣстника“, въ которомъ напечатано разрѣшеніе собирать деньги. Въ 1911 г. владиавказская администрація подъ угрозой штрафа потребовала отъ редактора „Терека“ указать № циркуляра о разрѣшеніи пожертвованій.

Такимъ образомъ, разрѣшеніе это все время находится почему-то на подозрѣніи у администраціи. Въ то же время усиливаются наскоки со стороны тѣхъ, кто видитъ спасеніе Россіи въ запретахъ и репрессіяхъ. Въ своихъ попыткахъ разрушить дѣло темныя силы прибѣгаютъ къ испытанному и излюбленному своему оружію—искаженію истиннаго положенія вещей. Реакціонная пресса усиливаетъ по всей линіи травлю украинства. И въ то же время начинается открытый походъ противъ памятника Шевченку.

Такъ, въ мартѣ 1911 г. въ „Кіевлянинѣ“ помѣщено было письмо бывш. намѣстника Кіево-Печерской лавры архим. Антонія на имя городского головы. Въ этомъ письмѣ Антоній проситъ думу отмѣнить постановленіе относительно памятника Шевченку, обливааетъ грязью личность поэта и обвиняетъ его въ „свирѣпой ненависти“ къ Россіи, Николаю I, Петру I, Екатеринѣ II, Богдану Хмельницкому и т. д. А въ апрѣлѣ архим. Антоній печатаетъ въ „Земщинѣ“ обра-

щеніе уже къ начальству о воспрещеніи сооруженія памятника. Эта статья вызываетъ запросъ министерства у кievской администраціи. Когда же желательнаго для темныхъ силъ результата не получилось, нѣкій Запорожець, достаточно намозолившій глаза кievлянамъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, печатаетъ въ „Новомъ Времени“ (№ 12767 отъ 12-го 1911 г.) лживое сообщеніе о томъ, что кievскій комитетъ будто бы „образованъ явочнымъ порядкомъ, безъ всякаго разрѣшенія правительства“, и что будто бы „открыли это пикантное обстоятельство не кievскія власти, а одесскій градоначальникъ И. Н. Толмачевъ, послѣ чего кievскія власти забрали къ себѣ всѣ дѣла комитета и установили, что это дѣйствительно такъ“.

Дѣйствительно, кievскій генераль-губернаторъ нашель нужнымъ потребовать къ себѣ все дѣлопроизводство по сооруженію памятника, но, къ сожалѣнію Запорожца и его присныхъ, установилъ какъ-разъ обратное тому, что имъ хотѣлось бы.

Конечно, опроверженіе кievскаго комитета, посланное въ „Новое Время“, не остановитъ нападковъ реакціонной части общества и лживыхъ измышленій черной печати. Но ни эти нападки, ни эти измышленія не въ силахъ измѣнить того, что уже сдѣлано. И особенно не въ силахъ они ничего подѣлать съ тѣмъ преклоненіемъ предъ великимъ украинскимъ геніемъ, которое широко разлилось въ народѣ, и съ тѣмъ все глубже проникающимъ въ народную душу національнымъ самосознаніемъ, которое дало возможность въ нѣсколько лѣтъ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, собрать свыше ста тысячъ на памятникъ и объединило въ общемъ чувствѣ интеллигенцію и народъ, Украину Россіи и Галицію и даже оторванныхъ отъ родной земли и разбросанныхъ по далекой Сибири и въ Америкѣ сыновъ украинскаго народа.

С. Буда.